

Шэн Юн пал на поле боя во время Войны ради преодоления трудностей, а Шаньдун, который защищал Те Сюань, напоминал всеми оставленный островок в океане. Вопрос был лишь в том, когда Чжу Ди поведет войска его уничтожить.

Когда Чжу Ди во время захвата Интяньфу продвигался на юг, он обошел Шаньдун, и даже возвращаясь на север при переносе столицы, он снова обошел Шаньдун. Очевидно, он вообще не считал Те Сюаня значимой угрозой.

В тот день, когда Тоба Фэн взял императора Юнлэ в заложники, это произошло именно на территории провинции Аньхой. Губернатор Аньхой пришел в ужас и на следующее утро отправил все войска провинции на поиски. К счастью, Чжу Ди в конце концов нашли в зловонной сточной канаве, однако к тому моменту Юньци и Тоба Фэн уже бесследно исчезли.

Чжу Гаочи и Яо Гуансяо разделили войска на две группы и начали прочесывать местность, приказав во что бы то ни стало взять их живыми. Они двинулись на юг, преследуя двоих беглецов.

Юньци хорошо понимал, что Чжу Ди не спустит им это с рук. Самым разумным решением в тот момент было бежать в провинцию Шаньдун и искать убежища у Те Сюаня. Как же быстро меняются обстоятельства. Однако Яо Гуансяо предугадал намерения Юньци и заранее разместил многочисленные войска на казенных трактах, ведущих в Шаньдун. У Юньци не осталось иного выбора, кроме как отступить и повернуть на юг.

Вдвоем на одной лошади они оторвались от погони. Тоба Фэн был тяжело ранен и целыми днями находился без сознания, так что все зависело только от Юньци.

Он остановил коня у озера Дунтинху и невольно вздохнул, ощутив, насколько велик мир, но в нем нет для них места.

После ещё одного дня пути усталость от долгой ухабистой дороги взяла свое. Когда они достигли провинции Хубэй, Тоба Фэн уже не мог держаться, а Юньци чувствовал себя как догорающая лампа. Казалось, все их силы иссякли и это место станет их последним пристанищем.

Тоба Фэн свалился с лошади.

Юньци поспешно спрыгнул, подхватив его, и в растерянности спросил:

— Что же делать?

Перед глазами возвышались острые пики, поднимающиеся до облаков. По горам разносились крики обезьян и птиц. Юньци тяжело вздохнул и стал искать вокруг лекарственные травы, однако, чтобы скрыться от преследователей, они бежали в безлюдные места. В радиусе десяти

ли не было ни души, даже ни одной крестьянской семьи.

Юньци долго звал Тоба Фэна, но ответа не последовало. Он протянул руку, чтобы проверить его состояние, и почувствовал, что мужчина находится в критическом состоянии. Пощупав пульс, он понял, что тот уже на пороге смерти. За эти дни бегства Юньци уже перестал задумываться о жизни и смерти, и теперь, подняв Тоба Фэна на спину, с трудом начал взбираться на гору.

Лошадь громко заржала, развернулась и ушла.

— Юньци... — слабо позвал Тоба Фэн.

Юньци произнес:

— Ши-гэ... Давай найдём безлюдное место, пещеру, и умрём там вместе, обнимая друг друга...

Тоба Фэн ответил:

— Хорошо.

Затем он в изнеможении закрыл глаза.

Пот на лбу Юньци застилал глаза, вызывая жгучую боль. Сквозь него смутно виднелись далёкие нагромождения горных пиков. Собрав последние силы воли, мужчина поднял Тоба Фэна на спину и начал карабкаться вверх по горе, что стояла у них на пути.

В сознании Юньци, затуманенном усталостью, всплывали воспоминания. Всегда это Тоба Фэн нёс его на спине — и по многолюдным улицам Цзиньлина, что тянулись на десять ли, и по бескрайним пустыням, где свирепствовали песчаные бури, и вдоль бурлящих речных берегов, где волны бились о скалы...

«Ши-гэ такой тяжёлый...» — подумал Юньци.

Он споткнулся о каменную ступень и едва не скатился вниз вместе со своей ношей.

Юньци ударился лбом о каменную плиту, и из раны хлынула кровь. Он громко вскрикнул, и его голос прокатился эхом по безлюдному и тихому горному лесу.

— Не плачь... ши-гэ с тобой, — с трудом подняв руку, Тоба Фэн погладил Юньци по щеке.

— Здесь камень... — пробормотал Юньци, и вдруг до него дошло. — На горе есть люди! Это ступеньки! Ши-гэ! Мы спасены!

Юньци поднял голову и взглянул вверх. На вершине, словно скрываясь в облаках, виднелась каменная арка.

— Что это за гора? — произнёс он, и, откуда ни возьмись, в нём снова появились силы. Юньци вновь взвалил на спину Тоба Фэна и, пошатываясь, пополз вверх по каменным ступеням.

Он крепко обвязал себя поясом вместе с Тоба Фэном и начал восходить на гору.

— Ши-гэ... ты не умрёшь. Плохая жизнь всё же лучше хорошей смерти, — без конца твердил Юньци. — Ши-гэ, держись...

Каменные ступени казались бесконечными и уходили куда-то в небеса. Юньци брел почти вслепую. Когда ноги подкашивались, а в глазах темнело, он падал на землю и, ощупывая путь руками, полз вверх.

Неизвестно, сколько времени спустя, наконец его пальцы наткнулись на массивную колонну каменной арки. Прислонившись к ней, он откашлялся кровью и медленно сполз на землю. И в этот момент он наконец услышал первый человеческий голос.

— Кто посмел вторгнуться в запретную территорию нашей школы?!

Юньци поднял голову и в смятении проговорил:

— Спасите его...

Затем он упал в обморок.

Прежде чем его сознание окончательно померкло, ему смутно послышался удивлённый возглас:

— Меч «Семь звёзд»! Это же меч «Семь звёзд» нашего основателя! Как он оказался у них?!

На каменной арке золотом были выведены два крупных слова — «Пик Тяньчжу*».

* Тяньчжу (天柱) — 1) миф. небесный столп, опора небосвода (обр. в знач.: заметная, выдающаяся личность); 2) кит. астр. Тянь-чжу (конфигурации из пяти звёзд созвездия 天柱 зодиакального созвездия 天柱).

До ушей доносились звуки спора, одна фраза за другой.

Раздался знакомый голос:

— Этот человек — приспешник императорского двора! Тайшифу*, ни в коем случае не спасайте его! Нынешний император жесток и безжалостен, он истребил почти десять тысяч учёных, это ничем не отличается от сожжения книг и погребения конфуцианцев заживо при Цинь Шихуане*.

* Тайшифу (□□□) — почтительное обращение к учителю своего учителя.

* Часть политики первого императора Цинь Шихуана (□□□) по унификации идеологии и подавлению инакомыслия в империи Цинь (221-206 гг. до н.э.).

Другой голос произнёс:

— У него за спиной деревянный меч «Семь звезд», он принадлежал нашему основателю... Мы должны спасти его...

Мужчина заколебался:

— Значит, спасаем только того тюрка? Одного берём, а другого оставляем...

Юньци шевельнул пересохшими губами и, не открывая глаз, слабо вымолвил:

— Я... из Цзиньивэй...

Спор стих.

Лежа на кушетке, Юньци прерывистым голосом произнёс:

— Я, Сюй Юньци, пусть и из Цзиньивэй... но никогда не убивал невинных без разбора... Всё это было по велению императора, против воли... моя совесть... чиста перед небом и землёй, народом Поднебесной и самим собой...

Немного помолчав, тот мужчина, который говорил последним, размеренно сказал:

— В прошлом Сюй Да нёс на себе генерала Чан Юйчуня в горы искать спасения, был уже прецедент. Этот вопрос должен решить наш шицзунь*.

* Шицзунь (□□) — вежливое обращение к наставнику.

Услышав имя своего родного отца, Юньци слегка задрожал и через некоторое время произнёс:

— Сюй Да — мой отец.

— Настоятель-чжэньжэнь, не верьте его лживым словам, — с тревогой сказал тот, кто говорил первым. — Эти двое бесчестны и неблагодарны. К тому же они преступники, разыскиваемые императорским двором...

— Преступники, разыскиваемые императорским двором? — Юньци наконец вспомнил, кому принадлежал этот голос, и попытался приподняться, но чья-то ладонь мягко прижала его обратно к подушке.

Настоятель-чжэньжэнь медленно и спокойно произнес:

— В твоём теле сильный яд, который уже проник в печень. Сейчас ты ослеп, и твоя жизнь в опасности, поэтому тебе нельзя делать резких движений.

Юньци спросил:

— Можно узнать, как к вам обращаться, чжэньжэнь? И где мой ши-гэ?

Настоятель-чжэньжэнь ответил:

— Имя этого бедного даоса — Цзинсюй. Мужчина, которого ты принёс на гору, получил лишь поверхностные ранения. Их можно излечить лекарством нашей школы — мазью «Чёрная яшма, заживляющая переломы».

Юньци с облегчением вздохнул и ответил:

— Не беспокойтесь о моих глазах. Когда его раны заживут, он спустит меня с горы. Юньци на всю жизнь запомнит доброту даочжана Цзинсюя.

Цзинсюй снова спросил:

— Ученик шестого поколения нашего пика Удан, Минчун, в миру носил фамилию Чжан. Позвольте спросить, господин Сюй, вы с ним знакомы?

Юньци растерянно произнёс:

— Чжан?..

Затем покачал головой:

— Не знаком.

Цзинсюй невозмутимо произнёс:

— Чжан Цинь, подойди и поговори с господином Сюем.

Кругом воцарилась полная тишина, и Юньци вдруг выпалил:

— Я вспомнил.

— В те годы монголы долго осаждали гору Удан, но так и не смогли её взять, и затаили злобу на даосские школы Центральной равнины, — спокойно продолжил Юньци. — Во время правления императора Цзяньвэня на северо-западе произошло громкое дело. Монголы, воспользовавшись случаем, отправили лазутчика проникнуть через границу. Они подстроили все так, чтобы этот шпион оказался замешан в деле Лань Юя и его ложно обвинили ханьцы...

— ...Это дело проходило через мои руки. По слухам, тот лазутчик спустя множество перипетий нашёл прибежище в школе Удан...

Чжан Цинь внезапно вспыхнул от ярости:

— Он лжёт!

Юньци продолжил:

— Я не знаком с вами, но я знаю, что ваша жена была потомком Лань Юя. Где же она сейчас?

Чжан Цинь сразу же потерял дар речи.

Цзинсюй, долгие годы живший в уединении в горах и не ведавший мирских дел, не мог знать, насколько хитры и расчётливы люди вроде Юньци. В его голосе тут же прозвучала лёгкая досада, и он спросил с упрёком:

— Почему ты скрыл от нашего почитаемого*, что у тебя есть жена и дети?

* Наш почитаемый (□□) — монах о своём наставнике.

— Отведите его в дровяной сарай на заднем склоне горы, — распорядился Цзинсюй. — Подробности выясним после выздоровления юного героя* Сюя.

* Юный герой / рыцарь (□□) — о подающих надежды юношах, покинувших родной дом для обучения военному делу).

Юньци слушал, как постепенно затихают вдали громкие крики Чжан Циня, и уголок его рта почти незаметно дрогнул в лёгкой усмешке.

Видно было, что Цзинсюй всё ещё не определился. Он вздохнул и снова сказал:

— Юный герой, раз уж вы потомок семьи Сюй, значит, у вас тоже есть какая-то связь с нашей школой Удан. Теперь прошу вас отдохнуть. Я доложу обо всём нашему шицзцню, а потом решим, как быть.

Юньци несколькими фразами избавился от главной угрозы, и сейчас ему уже ничего другого не оставалось, кроме как спокойно лечь спать. Цзинсюй же, взяв с собой нескольких учеников, развернулся и ушёл.

Кризис миновал. Юньци больше не мог держаться и погрузился в глубокий сон. Неизвестно, сколько времени спустя, он лишь смутно почувствовал, как кто-то говорит у него над ухом, но не мог разобрать слов.

Только когда от долгого сна всё тело заныло и задеревенело, Юньци ощутил, как что-то мягкое трётся о его губы.

— Ешь, — холодно произнес Тоба Фэн, держа в руках паровую булочку.

«...»

Юньци, открыв глаза, с улыбкой сказал:

— Ты правда сделан из железа. Раны уже зажили?

Тоба Фэн спросил:

— Когда ты ослеп? Как долго ты притворялся? И до сих пор притворяешься.

Юньци смущённо ответил:

— Я боялся тебя расстроить.

Вдруг раздался громкий звук пощёчины. Видимо, Тоба Фэн сам себя звонко ударил по лицу. Юньци поспешно схватил его руку, но Тоба Фэн взобрался на кровать и прижал Юньци к груди.

Он схватил паровую булочку и стал засовывать ему в рот, пока Юньци чуть не поперхнулся.

— Подожди... кхм, — запнулся Юньци. — Дай воды попить!

Тоба Фэн поднёс ему чашку с чистой водой и несколько раз напоил. Юньци, изголодавшийся до предела, жадно проглотил паровую булочку и с облегчением выдохнул.

— О чём думаешь?

Юньци ответил:

— Думаю, как подставить Чжан Циня.

Тоба Фэн и Юньци оба рассмеялись.

Тоба Фэн сказал:

— Он сбежал.

Юньци нахмурил брови:

— Убежал?

Тоба Фэн кивнул:

— Шицзунь в затворничестве. Когда я очнулся, то услышал, как они говорят, что ты ослеп, и сразу хотел пойти к тебе, но несколько человек попытались меня схватить...

«...»

Юньци чуть не поперхнулся и вскрикнул:

— Ты и на горе Удан посмел так безобразничать!

Тоба Фэн самодовольно усмехнулся:

— Их Тайцзицюань и Тайцзицзянь* уступают моим.

* Тайцзицзянь (Taijijian) — китайское традиционное искусство фехтования мечом.

Юньци не знал, смеяться ему или плакать. Он никак не ожидал, что Тоба Фэн, только взобравшись на гору, уже успел нажать врагов среди всех местных даосов. Тоба Фэн продолжил:

— Они выстроили какую-то дурацкую черепашьё-змеиную формацию. Несколько сотен человек нападали по очереди, но им не удалось со мной справиться. Шифу изначально находился в затворничестве, но, когда услышал шум, вышел.

— А! — удивился Юньци. — Ты имеешь в виду того старика Чжана... того старого даоса?

— Угу, — серьёзно подтвердил его слова Тоба Фэн. — Это Чжан-чжэньжэнь, основатель и глава школы Удан.

Для Юньци стало неожиданностью, что Чжан Саньфэн оказался такой важной личностью. Он спросил:

— Разве он не странствовал по свету? Как он оказался снова в горах?

Тоба Фэн промолчал, оставив его вопрос без ответа, и тут за дверью комнаты раздался громкий смех Чжан Саньфэна:

— Опавший лист возвращается к корням. С горой Удан связана вся жизнь этого дряхлого старика.

Юньци собрался слезть с кровати, чтобы поприветствовать его по правилам, но Тоба Фэн обнял его сзади и сказал:

— Шифу пришёл лечить твои глаза.

У Юньци на душе постепенно стало спокойнее, и он обменялся с Чжан Саньфэном парой вежливых фраз, в основном о нынешней ситуации в мире. Чжан Саньфэн разговаривал непринуждённо, и в то же время слышался лёгкий звон от удара ложки о чашу. Видимо, он готовил лекарство для глаз.

Чжан Саньфэн произнес:

— Судьба человека predetermined Небом. Ванфэй Сюй прожила свою жизнь, должно быть, без особых сожалений. Более того, она не посрамила имя генеральского рода Сюй. Юньци, не печалься.

С этими словами он двумя пальцами приоткрыл веко Юньци и мягким прикосновением нанёс на глаза Юньци сок какого-то необычного растения.

Попадая в глаза, сок дарил прохладу и невероятное облегчение. Юньци с улыбкой произнёс:

— Зато мой зять очень по ней скучает.

Чжан Саньфэн улыбнулся в ответ:

— Уйти раньше лучше, чем дожидаться дня, когда Янь-ван обзаведётся тремя жёнами и четырьмя наложницами, а красота быстро увянет. Некоторые люди могут разделить только горе и трудности, но не богатство и почёт. Все императоры с древности были такими. Чжу Чунба дважды поднимался на Удан в прошлом, и он тоже из них.

Не прошло и мгновения, как оба глаза были покрыты лечебным соком. Тоба Фэн завязал их лентой, от которой исходила сильная прохлада, дарившая приятное ощущение. Затем Чжан Саньфэн дал Юньци кусочек корня какого-то растения и сказал:

— Тщательно разжуй и проглоти весь сок.

Горечь этой вещи в сто раз превосходила горечь коптиса. От неё у Юньци скривилось всё лицо, и его чуть не вырвало желчью. Юньци взвыл, словно злой дух:

— Боги, что это за лекарство! Оно убьёт меня!

Тоба Фэн сердито воскликнул:

— Что за вздор! — и занёс руку, чтобы дать Юньци оплеуху.

Чжан Саньфэн рассмеялся:

— Ничего, ничего, Фэн-эр!

Юньци застыл в оцепенении. Чжан Саньфэн добавил:

— Это чудодейственное лекарство для очищения печени. Запомни, его нельзя выплёвывать.

С этими словами Чжан Саньфэн, махнув рукавом, повернулся и ушёл.

Тоба Фэн погладил щёку Юньци, по которой только что ударил.

Юньци взбунтовался. Резко оттолкнув руку Тоба Фэна, он закричал:

— Я нёс тебя на своей спине от Аньхой до горы Удан, и вот как ты со мной обращаешься?!

Тоба Фэн молчал. Прижав охваченного яростью Юньци к кушетке, он принялся осыпать его поцелуями.

Юньци пробормотал:

— Я же не говорил, что не буду есть... зачем бить... м-м...

Юньци не знал, что Чжан Саньфэн, много лет странствовавший по свету, теперь вернулся на гору Удан и снова официально ушёл в затворничество, ощущая, что его земной срок подходит к концу. А школа Удан, расположенная на вершине высокой горы, за сотню с лишним лет своего существования собрала немало чудесных трав и целебных снадобий. Чжан Саньфэн раздобыл тысячелетний корень бессмертия, способный продлевать жизнь, излечивать сотни болезней и поддерживать жизненную энергию ян. Ученики один за другим уговаривали Чжан Саньфэна принять его.

Старец изначально планировал провести в затворничестве несколько месяцев, прежде чем решить, принимать ли лекарство, но когда Тоба Фэн привёл Юньци, Чжан Саньфэн в конце концов не выдержал и отдал чудодейственный корень бессмертия ему.

Ни Тоба Фэн, ни настоятель школы Удан не осмеливались говорить об этом, опасаясь, что Юньци почувствует себя виноватым.

Через несколько дней Чжан Саньфэн снова ушёл в затворничество и перестал принимать посторонних. Глаза Юньци постепенно восстанавливались, но с них всё ещё не снимали повязку. Тоба Фэн водил его за руку вокруг храма Чжэнь*, прогуливаясь на свежем воздухе.

* Чжэнь (卍) — Владыка (Дух) Севера, божество, изображаемое с черепахой и змеей, один из весьма распространённых народных культов. В даосизме считается высшим божеством, отвечающим за защиту мира и поддержание порядка во вселенной.

Осень сменилась зимой. На вершине горы Удан выпал первый снег, и пруд Сицзянь* покрылся толстым слоем льда.

* Можно перевести как «пруд Омовения Меча» (卍).

Сосны шуршали подобно морскому прибою. По всему склону зеленели кипарисы, и свежий воздух ласкал лицо. Тонкий слой снега покрывал каменную стелу школы Удан, а у её основания лежали сугробы. Тоба Фэн, держа Юньци за руку, осторожно подвел его потрогать высеченную надпись.

— Удан, возносящийся к облакам...

— Удан, возносящийся к облакам, — с улыбкой повторил Юньци. — Чья это каллиграфия? Очень изящная.

Тоба Фэн, внимательно посмотрев, сказал:

— Не понимаю. Твой ши-гэ — человек необразованный.

Настоятель школы Удан стоял перед храмом во главе более сотни учеников седьмого поколения, которые практиковали Тайцзицюань.

Тайцзицюань основан на принципе «побеждать действие бездействием»: каждый вдох и выдох сливается с небом и землёй, а тело без малейшего следа растворяется в природе, достигая полной гармонии. Юньци даже не заметил, что рядом стоит группа людей, которые наблюдают за их тайным свиданием. Ему казалось, что перед храмом Чжэньу действительно никого нет, поэтому его голос звучал отчетливо звонко.

— Внизу большая черепаха... — Тоба Фэн взял Юньци за руку и осторожно повёл его. Они оба наклонились, чтобы потрогать черепаху под каменной стелой.

Юньци нащупал что-то скользкое и мокрое. Черепаха, несущая стелу, прищурила глаза и потёрлась о его руку.

— Ой, мама! — от страха у Юньци душа ушла в пятки. В мгновение ока он подпрыгнул на три чжана вверх, нырнул в объятия Тоба Фэна и закричал: — Она что, живая?!

Тоба Фэн, держа Юньци на руках, расплылся в улыбке:

— Говорят, ей уже больше ста лет. Такая же старая, как наш шифу.

«...»

— Твой шифу — черепаха*.

* Не забываем, что у китайцев а переносном смысле означает черепаха)

— Не болтай ерунды, — отчитал его Тоба Фэн. Всё ещё держа Юньци на руках, он развернулся и сказал: — У владыки Чжэньу слева черепаха, а справа змея. Здесь ещё есть змея...

Юные даосы едва сдерживали смех. У Цзинсюя дёргался уголок рта, и вздулись вены на лбу.

Юньци, чуть не обмочившись от страха, поспешно воскликнул:

— Змея тоже живая?! Не подходи туда!

— А здесь колонна...

— Да, колонна, — сказал Юньци. Он напоминал щенка, которого Тоба Фэн водил туда-сюда. Держа Юньци за руку, мужчина прошёл перед лицом даочжана Цзинсюя и сотен склонившихся учеников Удана, отрабатывающих кулачную технику. Юньци всё ещё не замечал, что здесь много людей, и вдруг спросил:

— Ши-гэ, что мы будем делать дальше? Проведём остаток жизни на этой горе?

Они стояли под сосной, покрытой снегом. Тоба Фэн одной рукой похлопал по стволу и спросил:

— А ты что думаешь?

Юньци, весь обсыпанный снегом с дерева, чихнул. Тоба Фэн фыркнул:

— Иди сюда, ши-гэ любит тебя.

С этими словами он протянул руки, чтобы обнять Юньци за талию, и погрузился в глубокий поцелуй.

В тот момент все сотни даосов перед храмом Чжэнью замерли. На лице каждого проступили черные полосы, пока они наблюдали, как Тоба Фэн и Юньци стоят у края площади и целуются.

Цзинсюй наконец не выдержал и несколько раз громко кашлянул.

Юньци тут же поперхнулся слюной и поспешно вырвался из объятий Тоба Фэна. Покраснев до корней волос, он смущённо спросил:

— Настоятель-чжэньжэнь... тоже здесь?

Даочжан Цзинсюй низким голосом продекламировал:

— Игла на дне моря!

И тогда все сотни учеников школы Удан громко подхватили:

— Игла на дне моря!

«...»

Юньци до ужаса смутился. Единственной мыслью в его голове было броситься со скалы.

К счастью, это затруднительное положение длилось недолго. Вскоре на гору стремительно поднялся перепуганный юноша-даос. По пути он даже споткнулся на ступенях.

— Настоятель-чжэньжэнь!

Завершив движение, Цзинсюй сложил руки за спиной и спросил:

— В чём дело?

— Император Юнлэ... привел войска императорского двора к подножию горы, чтобы посетить наш пик!

Юньци резко втянул холодный воздух. Цзинсюй спокойно сказал:

— Тайшифу уже всё предусмотрел. Шишу* Тоба, прошу вас сначала укрыться на заднем склоне горы.

* Шишу (□□) — вежл. о младшем брате учителя или его младшем соученике.

Тоба Фэн с подозрением спросил:

— Откуда императорский двор узнал, что мы на горе Удан?

Юньци и Тоба Фэн были единомышленны и одновременно подумали об одном и том же человеке — о Чжан Цине, который сбежал с горы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326108>